

мени и отъ причинности, упускаетъ изъ виду возможность относительной и сравнительной свободы воли въ иныхъ смыслахъ: напр., воля человѣка сравнительно свободнѣе воли животныхъ и свободнѣе именно относительно непосредственного—чувственного мотива поступковъ. Храбрый человѣкъ свободнѣе въ своихъ поступкахъ при видѣ опасности, чѣмъ трусь. Развитого человѣка не вернетъ съ дороги встрѣча зайца, а для суевѣра это будетъ достаточное основаніе вернуться, и т. п. Эта относительная и сравнительная свобода, не устраняя ни малѣйшимъ образомъ необходимости дѣйствія мотивовъ, такъ какъ дѣятельность безъ мотивовъ была бы сплошнымъ чудомъ, измѣняетъ только способъ мотивировки: у человѣка этихъ способовъ гораздо больше, чѣмъ у животныхъ; у него есть возможность большаго выбора, но въ этомъ смыслѣ и не всѣ люди одинаково свободны. Графъ Толстой игнорируетъ это важное условіе: тотъ, кто можетъ дѣйствовать только по одному мотиву, несвободнѣе того, кто хотя и не безпричинно, можетъ выбирать изъ многихъ. Фатализмъ въ исторіи и заключается въ признаніи для воли исторического дѣятеля только *одного* мотива, съ исключеніемъ возможности иныхъ. Извѣстная рутинна опредѣляетъ дѣйствія людей, но это не значитъ, что отдельные личности не могутъ освободиться отъ рутины, чтобы подчиняться дѣйствію иныхъ мотивовъ. Принятое исторіей направлениe, увлекаетъ дѣятельность людей по-этому направлению, но это еще не значитъ, что поступки отдельныхъ личностей не могутъ мотивироваться, такъ сказать, «противъ теченія». Между тѣмъ рутину, т.-е. однообразное для всѣхъ мотивированіе воли, которое даетъ начало «роевой» силѣ, и стихійное теченіе исторіи, отсюда происходящее, гр. Толстой возводить на степень